

ВАРВАРА ТИТОВА

Записки театрального ребенка

Варвара Титова

Записки театрального ребенка

«Издательские решения»

Титова В.

Записки театрального ребенка / В. Титова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908376-0

Сборник рассказов, объединенных единой линией. Главная героиня — маленькая девочка. Действие происходит в период с 1971 по 1987 годы. Это история девочки, родившейся и выросшей в провинциальном театре, которая описывает от первого лица яркие воспоминания о своей жизни: детстве, школе и театре. Дает свои оценки происходящему, рассказывает истории, веселые, удивительные, иногда грустные.

ISBN 978-5-44-908376-0

© Титова В.
© Издательские решения

Содержание

Я родилась в Сибири...	6
Имя	7
Гримерный столик	8
Фанатичка	9
ВАРЯ. Т	11
Аасьти...	13
Апитакля	15
Дед Мороз	17
Дядя ЖУК	20
Валевочка	23
В Сибири холодно	26
Джамбул	28
В Джамбуле тепло	30
Зоопарк	33
Хома	35
Гастроли	38
Картошка в мундире	43
Театр (вступление)	44
Про Красную Шапочку	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Записки театрального ребенка

Варвара Титова

© Варвара Титова, 2018

ISBN 978-5-4490-8376-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВАРЯ Т.

ЗАПИСКИ ТЕАТРАЛЬНОГО РЕБЕНКА

Посвящается моей маме, Томилиной Фриде Анатольевне

Я родилась в Сибири...

Я родилась в Томском драматическом театре. И была уверена с пеленок, что этим можно и даже нужно гордиться. Говорить всем, что я родилась в театре, было прикольно. Мне это добавляло чувства какой-то определенной исключительности. Вот вы этим можете похвастаться? – Вряд ли. А я могу. Хотя конечно, появилась я на свет не в пыльных тряпках закулисья. Нет. В обычном советском роддоме №1.

Акушерка, принявшая меня на руки, сразу сказала:

– Мальчик! – и через паузу добавила уверенным тоном, – Англизированного типа!

Мама слегка обалдела от подобной информации. «Откуда такие познания у акушерки из обычного сибирского роддома?» – подумала она.

Через минуту детская медсестра завизжала:

– Как мальчик? Девочка!!!

И, зачеркнув запись на бирке из оранжевой клеенки, написала: «Девочка».

Ранним утром в палату заглянула знакомая медсестра:

– Ой, Фридка, такая девочка, просто прелесть!

– Да какая там может быть прелесть, – ответила мама, – Они же все красненькие и сморщенные.

– Да ты что? Беленькая! И такая хорошенькая! Поздравляю!

Наконец, меня принесли в палату на кормление. Я безмятежно спала, причмокивая губами. Мама стала внимательно рассматривать дочку: «И, правда, беленькая. И такая щекастая». Но вот где тут англизированный тип, так и осталось загадкой.

Имя

Многие будущие родители придумывают имя ребенку заранее. И мои папа с мамой – не исключение. Почему-то решив, что я буду непременно мальчиком, они подумали, что с космонавтской фамилией – Титов и отчеством Эдуардович, я хорошо проживу с именем Константин, как Циолковский. А тут бац – и родилась девица.

Папа то ли от расстройства, то ли от радости, ушел в глухой запой. Из роддома мама его уже не могла спасти, как раньше. Ему вlepили выговор, с треском вышибли из театра, и он срочно уехал в другой. А нас с мамой благополучно выписали и мы приехали домой.

Я оставалась безымянной несколько дней. Как-то к нам заглянула соседка тетя Галя, тоже актриса.

– Ты как дочку-то назвала?

– А никак пока что.

– Да ты что? А как ты с ней разговариваешь?

– Да никак не разговариваю, она ест и спит.

– Слушай, – в глазах соседки появился блеск, – Назови ее Варварой!

– Хм.. – задумалась мама, – А что? Хорошее литературное имя!

И уже не думая о сочетании с отчеством пошла и записала меня Варварой.

Дело в том, что у тети Гали была дочка Аленка. Постарше меня лет на пять. Она появилась на свет в дни какого-то очередного партсъезда. Актеры люди с юмором. Они решили пошутить и отправили в Кремль телеграмму, мол у нас в театре в честь такого важного события родилась Аленка! Новоиспеченной маме купили кроватку, коляску и еще чего-то от партии и правительства. Когда тетя Галя, выписавшись из роддома, появилась в театре, ее все стали поздравлять с Аленкой. Она попыталась было возразить, что хотела дочку назвать Варей. На что ей дружно, похохатывая, заявили:

– Ты что? Против партии и правительства??

Так Аленка получила свое имя. А я свое.

Гримерный столик

Актрисы после родов всегда стремились как можно быстрее вернуться на сцену. Чтобы не потерять форму и не выпасть из репертуара. Мама вышла на работу через два месяца. Ну и я, сопящий кулек, естественно с ней.

В грим уборной для меня приспособили гримерный столик, к которому театральный столяр приладил бортики. Кстати этот дяденька, его я, к сожалению, ни разу не видела, был просто гений столярного дела. Он с удовольствием помогал небогатым артистам. Для меня он своими руками сделал еще и кровать. Отшлифовал на ней каждую круглую палочку и покрыл лаком. Кроватька получилась даже лучше магазинной. В последствие, когда я подросла, он ее еще и удлинил. А пока он колдовал над детским предметом мебели, я как чебурашка, спала в ящике из-под апельсинов.

Дядя Коля, именно так его все называли, помогал многим артистам. Делал своими руками мебель. Брал за это чисто символическую плату. Зрители почему-то всегда думали, что артисты купаются в золоте. А на самом деле оклады в театре были весьма скромные. Просто артисты, особенно актрисы, старались на встречах со зрителями выглядеть блистательно. И для этого чего только не придумывали.

Например, моя мама многие наряды себе шила сама. А еще она весь год откладывала денежку, чтобы в отпуске поехать в Москву и купить там модные наряды, украшения и выходные туфли. Она надевала обновки пару раз на выход и потом сдавала в комиссионку, где их, что называется, «отрывали с руками». Чтобы туфли выглядели как новенькие, применялась маленькая хитрость. Низ белых каблучков обматывался тоненькой полоской лейкопластыря, а черных изолентой. Перед сдачей в комиссионку защитные полоски снимались. И обувь уходила почти по первоначальной цене.

Фанатичка

Мама меня родила в 30 лет. По тем временам, это были уже поздние роды. Она стремилась делать карьеру и долго не решалась на рождение дитяти. Боялась потерять форму, резко растолстеть, или стать истеричкой. Говорили, что и такое случается после родов.

Забеременев в почти 30 лет, она крепко задумалась. Пришлось воспользоваться любимым способом решения сложных ситуаций. Тетрадный лист расчерчивался на две половины: «за» и «против» и в каждый столбец вписывались аргументы. Получается, что мне повезло. Первый столбец оказался внушительнее.

После того, как решение рожать было принято безоговорочно, мама стала тщательно готовиться к этому событию. В первую очередь, она скупилась всю имеющуюся в то время литературу по уходу за ребенком и воспитанию. За девять месяцев беременности все книжки были подробно изучены, а важные моменты даже выписаны отдельно.

Моя мама всей душой отдавалась своей профессии актрисы. И в жизни к статусу мамы приступила как к работе над ролью. Тщательно, подробно и истово. Мои пеленки, распашонки и ползунки проглаживались с двух сторон утюгом. Меня до полутора лет купали исключительно в кипяченой воде. Для меня специально готовился детский омлетик с трижды прокрученной на мясорубке вырезкой. И так далее и тому подобное.

Для культурного развития мне каждый вечер, на сон грядущий, читались детские книжки. А во время глажки мама для меня пела песни. Как она все это успевала, я до сих пор не могу понять. Она вставала в шесть утра и буквально падала где-то около двух часов ночи. И так каждый день.

Жили мы в комнате актерского общежития, которое находилось в трех минутах ходьбы от театра. Это был огромный двухэтажный бревенчатый дом, с резными наличниками на окнах, огромным крыльцом с навесом и массивной дубовой лестницей. Во дворе дома находились небольшие сарайчики, в которых можно было хранить «ценный хлам» и крупногабаритные вещи. Например, детскую коляску, санки, лыжи и велосипеды.

Наша комната была на втором этаже в конце длинного коридора, по которому можно было бегать и даже кататься на велосипеде. На этаже было примерно комнат 10, один общий туалет, ванная и большая кухня. На нашем кухонном столе стояли два огромных алюминиевых бидона. В них как раз и хранилась остывшая кипяченая вода для моего купания. В нее добавлялся кипяток, вода доводилась до нужной температуры, которую контролировал водяной градусник. Ни половиной градуса меньше и не больше. Все как положено по инструкции. Моя детская ванночка была исключительно для купания. Были несколько тазов. В моем тазу стиралось только мои!!! детские пеленки и ползунки.

Все мое детское белье, включая наволочки, простынки и пододеяльники обязательно кипятилось в огромной выварке. Места на общей кухне ей не нашлось, поэтому выварка стояла в коридоре около нашей комнаты.

Как-то раз, зимой с улицы прибежала Аленка, дочка соседки тети Гали. Они жили почти напротив нас. Аленка была раскрасневшаяся от мороза и очень веселая. Пробежав по коридору

вприпрыжку, она стянула с головы шапку и, задорно подкинула ее к потолку. Шапка описала в воздухе незамысловатую дугу и шмякнулась аккуратно на крышку стоящей выварки.

Услышав шум в коридоре, мама открыла дверь и увидела Аленкину шапку, лежащую на выварке.

– Алена!!! – закричала она, – Что ты делаешь???

Крик был такой, словно Аленка притащила бомбу, и она вот-вот взорвется. Из своей комнаты выглянула тетя Галя.

– Что случилось? – удивленно спросила она.

– Вот! Вот! – кричала мама. – Ты это видишь? Видишь?

– Ну и что такого? – еще больше удивляясь, спросила соседка.

– Я же тут кипячу детское белье! – не унималась моя мама.

– Фанатичка! – отрезала тетя Галя, покрутила пальцем у виска и, втащив испуганную Аленку в комнату, гневно захлопнула дверь.

ВАРЯ. Т

Пока я спала в театре на гримерном столике, никаких проблем не было. А вот когда начала ползать, маме пришлось срочно искать выход из создавшейся ситуации. Одного ползющего ребенка оставлять в гримуборной было опасно. Дома мне соорудили просторный манеж из дощечек от ящиков из-под апельсинов. Мама их зашкурила, красиво обмотала изолентой и соорудила мне прочный заборчик.

Нужна была няня. Но, как оказалось, найти ее не так просто. Знакомых бабушек-пенсionерок не было. Маме посоветовали походить по дворам, где сидят на лавочках бабульки.

– Неет, я с ребенком не управлюсь, – протяжно почти пропела первая сидящая седая старушка миловидного вида.

– А вы? Может быть вы согласитесь, я заплачу – обратилась мама к ее суровой товарке.

– Что ты, милая, я со своими внуками не сижу, а уж с чужими и подавно не стану. Да и пенсия у меня хорошая, мне хватает. – ответила она и демонстративно отвернулась.

С бабушками был явный прокол. Мама огорченно побрела домой. «Студенты! Вот кто выручит!» – мелькнула в голове мысль. И она вспомнила свои студенческие годы, когда они с удовольствием соглашались на любую подработку.

Действительно, студентки быстро согласились, даже две. И вечером они уже стояли на пороге нашей комнаты.

– Проходите, девушки. – радостно сказала мама. – Вот это Варюшка, ребенок в общем не капризный и не напряжный. Вот чистые ползунки, вот бутылочка с водой, если захочет пить. А чтобы вам было не скучно, можете полистать журналы.

У нас в доме было много журналов мод. Несколько огромных пачек. Мама всегда покупала модные журналы и даже выписывала из Польши и Чехословакии. Девчонки уселись на тахту и с удовольствием принялись их листать. А мама умчалась играть спектакль.

Через три часа, прибежав домой, она увидела ту же картину. Я, отвернувшись, сидела в манеже и перебирала свои игрушки, а девчонки листали журналы.

– Ну, как вы тут? – спросила взволнованно мама.

– Да нормально, она вон играет, – равнодушно ответила студентка.

– Ну, мы пошли? – добавила вторая. И девицы упорхнули за дверь.

Мама кинулась ко мне и подхватила на руки. Я скуксилась, и тихонько запищала. Мои ползунки и распашонка были полностью мокрые.

– Нужно искать ясли, – вздохнула огорченно мама.

Устроить ребенка в детский сад, а тем более в ясли в те годы было просто не реально.

– Мест нет! – коротко отвечали заведующие.

И тогда моя гениальная мама придумала хитрость. Она в детстве очень хорошо рисовала. У нее был просто талант художника, хотя этому никогда не училась. Пришлось потратить часть вечера и ночи, зато утром на столе лежала стопка рисунков с мультяшными зайками, мишками и белочками, а также вырезанные из пенопласта и ярко раскрашенные овощи и фрукты. Выглядели они даже лучше натуральных.

Утром, аккуратно уложив в сумку свои сокровища и попросив соседку приглядеть пару часов за мной, мама двинулась в ближайший от дома детский сад.

В кабинете заведующей она выложила рисунки и фигурки на стол.

– Какая прелесть! – воскликнула заведующая. – Вы художник? Нам как раз нужен художник. Правда, деньги мы можем заплатить небольшие, всего четверть ставки завхоза. Но зато Вы можете совмещать это с основной работой. И работать в любое удобное для Вас время, даже ночью. У нас садик круглосуточный.

– Я согласна, – ответила мама, – Но у меня одна проблема, нужно устроить в ясельную группу мою дочку.

– Да разве же это проблема?! – всплеснула руками заведующая, – Хоть завтра приносите все медицинские справки и сразу в группу.

Так я попала в свой первый детский сад. Чтобы не путать детскую одежду, родителей обязывали на все вещи ставить метки. Вышивать инициалы или имя на ползунках, колготках, кофточках и рубашечках. Вечером после спектакля, уложив меня спать, мама принялась за шитье. Аккуратными стежками она стала вышивать на моей одежде метку: «ВАРЯ Т.» Уже было далеко за полночь, когда, наконец, она добралась до последних колготок. Так, почти в полусне, на верхнем рубчике появилась последняя вышивка: «ВАРЯ Т.» Мама посмотрела на свою работу. «Что-то тут не так вроде, – пронеслось в ее голове. – Да вроде все как надо». Она положила колготки в приготовленную на завтра стопку одежды и рухнула спать.

Утром, собирая меня в ясли, мама еще раз глянула на последнюю метку и тут до нее дошло. Она вышила лишнюю палочку у буквы «Р» и получилась, как латинская «R», но смысла от этого не поменялся.

Аасьти...

На радость маме, я оказалась на редкость спокойным ребенком. Не капризничала, не ревела и ни к кому не лезла. За мою степенность в театре меня очень любили. Меня тискали, дарили шоколадки, которые я не ела. Но из вежливости всегда откусывала маленький кусочек, остальное отдавала маме.

С детства мама учила меня вежливости. Как только мы заходили в театр, она говорила:
– Варя, поздоровайся с людьми. Скажи, здрасьти.

Я чинно вставала, наклонялась вперед, заводя за спину ручки, разведенные в стороны, и говорила протяжно:
– Аасьти.

Кстати, кланяться мама меня не учила, но почему-то я делала это именно так. Взрослые умилялись этой картине. Поэтому здороваться со мной обожали все.

А еще я таким же «аасьти» здоровалась с памятниками Ленину. Мама вообще не понимала, откуда это взялось. Причем, даже разглядев где-то вдалеке малюсенький бюст, я умудрялась выворачиваться в его сторону, сидя у мамы на руках, и выдавать это чинное «аасьти».

Разгадка этому явлению была найдена позже. Когда мне было уже года четыре, я перевернула таз, встала на него, вытянула вперед руку, и провозгласила:
– Я дядя Ленин, здласьти!

Логика была понятна. Раз памятник протягивает руку, значит, здороваается.

Судя по всему, чинный поклон я, скорее всего, тоже подсмотрела в театре среди актеров. Некоторые из них любили шутливо важно раскланиваться друг другу.

Однако, этому милому «аасьти» однажды пришел конец. Летом на время летних гастролей, мама меня отправила к бабушке в челябинскую область. Там я познакомилась со всей деревенской малышкой. Они меня быстро научили петь блатные жалостливые песни, ну и вообще объяснили, что такое «настоящая» жизнь.

В начале сентября актеры вернулись из отпусков. Был первый сбор труппы. Все были отдохнувшими и радостными, весело обменивались впечатлениями от отдыха. Мы с мамой вошли в бурлящее фойе.

– Варварушка, здравствуй, – распахнув руки, и сияя улыбкой, к нам навстречу двинулся один из актеров.

– Здавова, Юлка, – не моргнув глазом ответила я.

По фойе прокатилось раскатистое – ООООО!

– Варварушка, и где же ты была летом? – подскочил другой актер.

– Здавова, Силёга, – так же сурово ответила я, – У бабушки.

Артисты обступили маму, высказывая ей свои удивления от такого контраста.

– А еще мы теперь поем блатные песни, – вздохнула мама.

Но тут всех пригласили в зрительный зал на собрание. Демонстрацию навыков пения пришлось отложить. На время.

Апитакля

Как-то раз в детском саду в понедельник воспитательница проводила среди детей опрос, кто и как провел выходные. Очередь дошла и до меня:

- Варя, скажи-ка нам, а где вы вчера были?
- На апитакля, – спокойно ответила я.
- Где, где? – переспросила удивленная воспитательница.
- На апитакля, – повторила я.

Вечером, когда за мной пришла мама, ей навстречу вышли две воспитательницы и с каким-то странным заговорщическим видом спросили:

- А где вы вчера были?

Мама недоуменно хлопала ресницами, не понимая суть подвоха.

- Так, все-таки, где вы вчера были? – не отступали воспитательницы.
- Ну, где, где, – размышляла мама, вспоминая вчерашний день. – Да как обычно, на спектакле.
- Ах, вот оно что, – расхохотались воспитательницы, – А мы тут весь день голову ломаем, что же такое «апитакля».

Я как-то быстро усвоила правила поведения в театре. Шуметь и кричать нельзя, а также бегать и прыгать, когда идет репетиция или спектакль. Если возникало желание подвигаться, это можно было сделать в дальнем от зала фойе. Но как-то такого желания у меня не возникало. Я четко понимала, что театр – дело серьезное и требует строжайшей дисциплины.

Меня за это уважали и разрешали то, что было не позволено другим театральным детям. Например, я могла сидеть за кулисами во время спектакля. Иногда, актеры, выбегая со сцены, начинали восторженно меня тискать и трясти.

- Варька, ух, Варька!

Я с суровым видом шепотом делала им замечания:

- Тсс, дядя Юва, тссс, дядя Силежа, апитакль идет!

Лет до четырех с половиной я упорно не выговаривала букву «р». Причем мама и другие актеры постоянно с напускной серьезностью меня спрашивали:

- Варвара, когда ты начнешь говорить букву «р»?

Я поднимала вверх глаза, раздумывала пару-тройку секунд и очень честно отвечала:

- Завгла!

Иногда во время спектакля я заходила в зрительный зал, тихонько шла по проходу, отжимала откидное сиденье, садилась и смотрела. Зрители, сидящие, по соседству, удивленно на меня косились, но ничего не говорили. Когда мне это надоедало, я так же тихо вставала и уходила. Так как ростом я была ниже спинок кресел, никто этого практически не замечал.

Но чаще всего, я просто играла в гримуборной. Перед театром, мы с мамой постоянно заходили в «Детский мир», где она мне покупала какую-нибудь новую недорогую игрушку. И я ею весь вечер или день, когда были репетиции, занималась. Так же с собой мы всегда брали альбом и цветные карандаши.

Однажды моя игрушка даже попала в спектакль. Дело было так. Несмотря на то, что я была девочкой, и мне часто дарили куклы, играть с ними я не любила, и они благополучно пылились в комнате на шкафу. Мне нравились машинки, головоломки, занимательные игры.

Как-то раз в «Детском мире» мне очень понравился пластмассовый автомат голубого цвета. В него вставлялись батарейки и при нажатии курка он «стрелял». Вернее, издавал звук, отдаленно напоминающий автоматную очередь, и у него на дуле загоралась красная лампочка. Игрушка была не для театра. Трещать за кулисами было нельзя. Я честно пообещала маме, что в театре не сделаю из него ни одного выстрела и обещание это ни разу не нарушила. К автомату привязали веревку вместо ремня, я его повесила на шею и ходила с ним как дозорный.

На сцене репетировали спектакль по пьесе Михаила Рождина «Старый Новый Год». Мама играла девочку Лизу. Когда к ней по сцене приставал кто-то из взрослых, она выпаливала фразу: «Моё не бери, не смотри».

Посмотрев репетицию, вечером я предложила маме:

– «Моё не бели, не смотли!», бели мой автомат и стлежай!

На другой день мама предложила режиссеру этот ход, а он его сразу же одобрил и утвердил. Можно сказать, это была моя первая режиссерская подсказка. Я очень гордилась тем, что в спектакле играет мой любимый синий автомат.

Дед Мороз

Это была моя первая осознанная настоящая елка. В театре в дни Новогодних каникул, для детей, кроме спектакля на сцене, разыгрывали в фойе, возле елки, интермедию. Самое первое представление устраивали для театральных детей. Это, по сути, был генеральный прогон и проба на маленьких зрителях.

Мне всего через месяц должно было исполниться целых два года. И я чувствовала себя очень взрослой. В детском саду на елке мне досталась роль Лисы. Мама сшила из оранжевого сатина комбинезончик. Выкрасила в рыжий цвет полоску пушистого меха, это был хвост. И самое главное, придумала мне на голову маску лисы, сделанную в виде шапочки, не закрывающей лицо. Она сама вылепила из гипса лисью морду, в художественном цеху оклеила ее папье-маше и оранжевой тканью, наклеила черный бархатный нос, зеленые глаза и пришила черные ушки. Получилось замечательно.

Мое выступление лисы в детском саду восприняли на ура, но детсадовская елка – это не то, не тот масштаб. А тут настоящий бал в театре! С гигантской разукрашенной елкой, красивой Снегурочкой и добрым дедушкой Морозом.

Перед началом представления я немного волновалась: «Получится ли у меня проявить себя и понравиться деду Морозу?»

Наконец, представление началось. Нас всех выстроили в огромный хоровод вокруг елки. Потом все по команде отчаянно кричали, чтобы дедушка пришел к нам на зов. Вот распахнулись двери, и вошел главный новогодний волшебник.

Обычно роль деда Мороза в театре дают самому видному, высокому актеру с мощным голосом. И это понятно.

– Здравствуйте, ребята! – раскатисто пробасил дедушка.

Все невпопад закричали: «Здравствуй, дедушка!» И я поняла, что в этом массовом приветствии дедушка меня точно не услышит. Я бросилась ему наперерез с криком:

– Здравстуй, Дедушка! Это я! Это я! Лиса!

При этом я отчаянно ладошкой била себя в грудь, чтобы дед точно понял, что это именно я Лиса.

От неожиданности, Дедушка замер, как вкопанный. Судя по всему, даже слова забыл. Постояв секунд двадцать возле скачущей вокруг него Лисы, дед собрался с мыслями и продолжил представление. Он начал читать какие-то стихи и двинулся от меня в сторону елки. Я на всякий случай побежала за ним.

– А скажите мне детишки, – громогласил Дедушка, – Каких зверей в лесу вы знаете?

Я аж подпрыгнула на месте.

– Лиса! Лиса! Это же я! Лиса!

Дед, смекнув, что не знает, как унять мой темперамент, и что ответить, хотя он вообще видимо был не способным к импровизации, резко развернулся и пошел в другую сторону. Наблюдающие за всем этим родители стали смеяться.

Дед упорно пёр по написанному сценарию. Следующим персонажем, наверное, должен был выйти его помощник заяц.

– Дети, а у кого из зверей самый пушистый хвостик?

Я быстро смекнула, что деда проще догнать с другой стороны, обогнув елку. Что я, собственно, и сделала. Оказавшись у него прямо перед глазами, я схватила себя за хвост, чуть не оторвав его, кстати, и стала им махать перед дедушкой.

– Вот! У меня самый пушистый хвост! У меня! У Лисы!

Дед вновь замер на месте, а зрители-родители начали смеяться еще громче. Заяц все-таки пришел, потом позвали Снегурочку. И начались загадки.

– А теперь, дети, я вам загадаю загадку, – нараспев вещал дед Мороз.

– А давайте, я вам загадаю загадку! Висит глуша, нельзя скушать! – тараторила я, и для убедительности махала у него перед носом рукой.

Дед побагровел, публика покатила со смеху. Потом началась пляска. Я старательно вытанцовывала вприсядку. Я не знала, как надо танцевать барыню, но помнила, что так учили в детском саду мальчишек танцевать моряцкий танец. И мне это движение показалось подходящим.

Дед, наконец, слегка освоился. Как только он примечал мою оранжевую макушку, тут же разворачивался и шел в другую сторону. Но, я не унималась, и каждый раз вновь оказывалась у него перед носом. Начались игры. Несмотря на все мои старания, дед стал упорно меня не замечать.

– Варю, Варю, возьмите, – кричали восторженные зрители. И хохотали от души, когда тот столбенел.

Представление закончилась, всем раздали хрустящие пакеты с конфетами и мандаринами. Счастливая, я подбежала со своим подарком к маме. Она взяла меня на руки. К нам стали подходить актеры и актрисы:

– Ай, да, Варвара! Ай, молодец!

– Ну, Варюшка, ну Лиса! Настоящая актриса!

– Ох, спасибо, Варвара, ох спасибо, порадовала ты меня – вытирая глаза платком, говорил здоровенный пожилой актер. – Давно так не смеялся!

Получив такое зрительское признание, я поняла, что у меня все получилось, и мой первый настоящий бал удался на славу.

Дядя ЖУК

С самого утра, хотя это утро обычно наступало в 11—12 дня, Томский драматический театр вдруг стал напоминать разоренный улей. Вахтерша тетя Глаша ничего не могла понять. Она, коренная сибирячка, привыкшая к порядку и размеренному образу жизни, почувствовала, что происходит неладное. Ее вахтенный пост, охранявший служебный вход и закулисы, всегда был спокойным. Каждый день приходили полусонные актеры на репетицию, вежливо здоровались, и пропадали куда-то в недра театра заниматься высоким искусством. А поздним вечером, после спектакля, наскоро стерев грим, быстро разбегались по домам, впрочем, не менее вежливо прощаясь. А тут...

Словно в людей вселился явно небожественный дух Мельпомены. Все бегали взъерошенные, покрасневшие, отчего-то восторженные, здоровались картинно с тетей Глашей, с таким пафосом, словно у нее был юбилей, или она выиграла в лотерею «Волгу». В общем, театр превратился в сумасшедший дом. Актеры почему-то перестали тихо исчезать где-то за кулисами, и вместо этого бегали по фойе, как дети, странно смеялись и шушукались. Таким поведением они вдребезги разнесли сознание тихой серьезной вахтерши.

Через полтора часа присутствия в этом дурдоме, чуть-чуть придя в себя, тетя Глаша не выдержала.

– Да что стряслось-то? – спросила она пробежавшего мима актера, который ей казался самым разумным из присутствующих. В ее голосе явно прослушивались нотки трагизма и готовность принять любые, пусть даже самые страшные известия.

– Тетечка Глаша, миленькая, к нам сегодня приезжает Евтушенко! – хохотнул артист и как-то заговорщически с хитринкой глянул на женщину, будто вовлекая ее в некую игру, в которой нужно было непременно разгадать хитрый ребус.

Предчувствуя подвох, но держа себя в руках, Глафира Ивановна впервые надув губки, как гимназистка, на всякий случай переспросила недоверчиво.

– Кто, кто? Фтушенко?

– Ха-ха-ха! – попадала со смеху актерская толпа. – Вы не знаете, кто такой Евгений Евтушенко? Да вы тетя Глаша, тундра! Это же наш великий поэт!

Актеры от души веселились и хохотали. А тетя Глаша бесшумно опустила на банкетку, словно срезанный сноп колосьев. Она понимала, что ничего не понимает. Но знала одно: обычного спокойного дежурства сегодня точно не будет.

И действительно, служебный вход в театр превратился в бешеную карусель. Весь день приезжали люди. Суетливые, кто-то с букетиками цветов. Некоторые солидные с портфелями, или без них, не очень солидные в вытянутых свитерах или ярких шейных платках.

– Пестренькая толпа, от таких ничего хорошего не жди – хмурилась тетя Глаша, но как истинная сибирячка сидела с каменным лицом, не подавая вида испуга.

Наконец, наступил вечер. Зал был не то, что полон, он был битком набит томской интеллигенцией. Профессоры и студенты, чиновники и обычные любители поэзии, занявшие не только все места, но и проходы в зале, ждали, когда же откроется занавес.

И вот на сцену вышел ОН. Грянули бурные аплодисменты. Зал внимал каждому слову поэта с таким трепетом и любовью, что, казалось, если бы он даже не читал свои стихи, а просто стоял и улыбался, все были бы всё равно рады. Он был воплощением глотка свободы и лучом прожектора, рассекающего туманное будущее.

Встреча с поэтом длилась долго. Но, всё когда-нибудь заканчивается. За кулисами главного маэстро обступили актеры. Всем хотелось лично пообщаться с гением передовой мысли и слова. Наконец, осталась небольшая группка актеров и кто-то предложил продолжить незавершенный разговор где-нибудь вне театра. Решили, не заморачиваться хлопотной поездкой в ресторан, тем более найти ближе к полуночи уютное помещение, чтобы никто не мешал, было трудно. Да и денег особенно не было в карманах искренних ценителей поэтического творчества. К тому же представьте себе, что это был 1973 год.

И вот уже небольшая компания устремилась в гости к молодой актрисе, которая жила в актерском общежитии в трех минутах ходьбы от театра. Не поверите, но маленькая, зато теплая комната стала уютным пристанищем для пытливых, жаждущих мыслителей.

Расположились по-студенчески. Вокруг маленького столика. Кто-то сидел на полу, на тахте, не важно. Главное, все слушали поэта, делились своими мыслями и ощущениями. Время близилось к полуночи, разговор становился все интереснее, а споры еще жарче, но тут маленькая дочка актрисы, до этого времени тихо игравшая в игрушки в своей кровати, и не обращавшая, никакого внимания на шумную компанию, банальным детским ревом дала понять, что ей хочется спать.

Вообще-то ребенок был не капризный, привычный к таким, хотя и не частым актерским посиделкам с бурным проявлением эмоций. Но, что поделать, актеры странные люди, которые вечно ищут смысл в искусстве, и новые формы.

Мама девочки предложила гостям перейти на шепот, а лучше всего посидеть некоторое время в тишине. Способ был проверенный – ребенку нужно было дать заснуть, а там хоть в барабаны бей. У дочки был очень крепкий сон.

И тут самый главный человек вечеринки решил проявить инициативу. Он ответственно заявил, что является лучшим в мире «усыпителем» детей и смело двинулся к детской кровати. Маэстро с серьезным видом склонился над поручнем деревянной решетки и... стал.. жужжать... Вот так жжжжжж... жжжжжж... жжжжжж.. размеренно и монотонно.

Девочка удивленно открыла глаза.

– Ну и дядя, – подумала она, – Это новая игра такая? И зачем он так жужжит? Дядя Жук какой-то.

Она видела прямо перед собой сосредоточенное лицо с точеными скулами, заостренным носом и пронзительными голубыми глазами.

– Вроде взрослый, – подумала девочка, – А ведет себя как маленький.

Девочка отвернулась к стене и довольно быстро уснула. Дядя Жук, наконец, отстал. Он чувствовал себя победителем. Как всегда, самый умный, самый талантливый, способный поко-
рять целые залы людей, и даже маленьких детей.

Прошли годы. Девочка выросла. Они с мамой стали настоящими подругами и часто любили по вечерам разговаривать и вспоминать прошлое. Мама умела зажигательно и интересно рассказывать театральные байки, смешные случаи и интересные истории.

Дочь с удовольствием слушала эти рассказы. В свою очередь тоже делилась своими вос-
поминаниями. Было интересно сопоставлять детские впечатления с рассказами матери. Это напоминало двух разведчиков, сверяющих добытые сведения.

Как-то раз зашел разговор о житье-бытье в той маленькой уютной комнатке в актерском общежитии. Вспомнили, как мама по вечерам перед сном пела дочке песни, и параллельно гладила пеленки и детские простынки. Стояла та знаменитая детская кроватка с бортиками из гладких тоненьких деревянных палочек. Ее своими руками сделал театральный столяр, который из дерева умел творить чудеса. Припомнились и нечастые, но такие душевные актер-
ские посиделки с разговорами об искусстве и бурными спорами о творчестве.

– Мама, а ты не помнишь, что это был за дядя, который странно жужжал над моей кро-
ваткой? – спросила дочь.

– Ты это помнишь? – искренне рассмеялась мать, – Не может быть, ты же была совсем маленькая, годика два с половиной всего. И он был у нас лишь однажды. Невероятно, как ты это могла запомнить?

– Ну, вот запомнила же, – ответила девушка, – Ну и кто это, кто?

– Ты не поверишь, – отсмеявшись, сказала мама, – Но это был Евгений Евтушенко.... –
и она рассказала начало этой истории.

Вот вам и дядя Жук.

Валевочка

Самым первым моим приятелем был Валерка. Мы были почти одного возраста. Он вместе с мамой жил прямо напротив нас. Дверь в дверь. Это был смешной русоволосый мальчишка с синими глазами. Нас познакомили, когда нам было примерно по два года. Я его звала Валевочка. Он меня, соответственно, звал Вадя.

Мать у Валевочки была коренная сибирячка. Высокая, сероглазая, с огромной каштановой косой, которую она закручивала пучком на затылке. У нее всегда было какое-то суровое выражение лица, и я ее почему-то побаивалась, хотя она мне ни разу не сказала ни одного слова.

Моя мама часто приглашала к нам в гости Валевочку, читала нам книжки. Мы вместе играли в мои игрушки. У меня было много машинок и всяких интересных штучек, которые привлекают мальчишек. Валевочку его мама не баловала. У него был всего один железный грузовик, который он любил возить в коридоре, и тот забавно дребезжал на стыках деревянных досочек на полу.

Валевочку к нам в гости мать отпускала не часто. Она, по-видимому, не очень одобряла такие визиты. Да и к себе в гости не звала никогда.

Когда мама отходила на кухню или в ванную, нас ненадолго оставляли одних. Тогда мы взбирались на мамину тахту и прыгали. Это было очень интересно и весело.

Однажды мама нам читала какую-то смешную книжку. Мы сидели втроем на тахте. Читать она умела интересно, разыгрывая роли и создавая образы. Мы от души хохотали. В какой-то момент, видимо от радости и безудержного смеха Валевочка вскочил на ноги и начал прыгать.

Мама даже не успела что-то сказать, чтобы его как-то успокоить, как вдруг Валевочка подпрыгнул посильнее и словно ракета, выписывающая в воздухе дугообразную траекторию, улетел головой вниз прямо в щель между стеной и краем тахты.

Мама даже растерялась, а я смотрела на это, раскрыв рот. Валевочка начал смешно барахтаться и дрыгать ногами, чтобы высвободиться из плена. Но, у него ничего не получалось. Тогда мама взяла его за ноги и выдернула наверх. Вспотевший, взъерошенный Валевочка озираясь по сторонам. Он не мог понять, какая волшебная сила его унесла в простенок за кровать. А потом мы все начали дружно хохотать, пересказывая друг другу Валевочкин полет.

Валевочка часто сидел в своей комнате один. Слышно было лишь, как он медленно катал свой дребезжащий грузовик, долго и монотонно. Как-то раз мать не заперла его на ключ, как обычно. Он вышел в коридор и поскребся к нам в дверь.

– Пойдем ко мне, – сказал он.

Я вопросительно посмотрела на маму.

– Ну, что ж, идите, поиграйте, только не долго, – ответила мама.

Так я впервые попала в Валевошкины хоромы. Их комната оказалась побольше нашей. У одной стены стояла железная кровать, заправленная розовым покрывалом, на котором солидно возвышались две взбитые подушки с торчащими в стороны уголками. Рядом большой деревянный шкаф с резными витушками на дверцах. Около другой стены стоял коричневый комод с медными ручками. Впереди у окна стол, накрытый скатертью и два стула. На полу, натянутые, словно по струнке, лежали две тканые дорожки. Ни одного постороннего предмета или хотя бы вазочки. Порядок был такой, словно в этой комнате жили не люди, а была музейная экспозиция.

– Где же ты глузовик-то катаешь? – спросила я удивленно.

– А вот тут, – Валевошка отодвинул висящую на стене занавеску.

За ней оказалась крошечная кухня, буквально пятак, на котором умещался маленький стол, стул, тумбочка с электроплиткой и полка с посудой. Зато впереди было небольшое окошко с широким подоконником.

Мы тут же взгромоздились на него и стали смотреть сквозь стекла, слегка подернутые по краям инеем и узорами. Вид был так себе. Всю улицу загораживал высокий деревянный глухой забор. Слева виднелся кусочек нашего двора и входные ворота. Начало смеркаться, вид за окном приобрел нежный сиреневый оттенок. Падая снег, мягкий и пушистый. Легкие снежинки, исполнив свой волшебный танец, изящно ложились на огромный сугроб внизу.

– Гора ваты, – сказал Валевошка.

– Дааа, – подтвердила я.

– Вот еще смотри! – радостно воскликнул Валевошка и метнулся к полке с посудой.

Он достал одну тарелку, встал на подоконник, открыл форточку и опустил туда тарелку. Она пролетела вертикально вниз и мягко скрылась в снежном пуху, чуть надрезав его ребром.

– Видела? – прошептал Валевошка.

– Видела...

– Здорово, да? – Валевошка снова метнулся к полке.

Мы оба заворожено смотрели, как в пушистом сугробе тонут тарелки, потом еще поэкспериментировали с ложками и вилками. И даже булькнули две чайные чашки. Больше посуды не осталось.

– А тебе за это не влетит? – спросила я тихонько.

Валевошка промолчал.

– Я пошла к себе, – сказала я, слезла с подоконника и вернулась к маме.

Прошло около часа. Стемнело. Судя по крикам, доносящимся из-за противоположной двери, вернулась Валевошкина мать. Он орал и ревел, как белуга. Она что-то яростно кричала, но слов было не разобрать.

Вдруг с грохотом захлопнулась дверь и в коридоре слышались быстрые тяжелые шаги. Это была Валевошкина мать, которая пошла во двор «спасать» из сугроба посуду. Я думаю, что в темноте, рыться в огромном полутораметровом сугробе было не просто.

За окном было слышно, как она ругалась и смачно материлась. Мама закрыла форточку.

– Мама, мам, – тихо позвала я.

– Что?

– Я знаю, за что Валевошке влетело.

– И за что же?

– Он мне показывал, как красиво тонут тарелочки в снежной подушке.

– О, господи, – всплеснула руками мама. – И ты кидала тоже?

– Нет, я смотрела. Так красиво...

– Вообще-то могла остановить его. Посуду за окно нехорошо выбрасывать.

Валевошка неделю просидел взаперти. А я даже боялась подойти к его двери. Судя по тому, что при случайной встрече в коридоре с его матерью, она на меня не стала ругаться и даже слегка приветливо кивнула, Валевошка меня не сдал. Настоящий друг!...

В Сибири холодно

Помнить себя я начала очень рано. Примерно с полугодовалого возраста. Правда, конечно, фрагментарно. Мама, когда услышала мои первые детские воспоминания, ахнула: «Не может такого быть!» Но по точности описанных деталей, признала этот факт.

Я отчетливо помню, как лежу в коляске, надо мной висит белый козырек коляски с салатным ободком по краю. Слева качаются огромные голые ветки черных деревьев, а справа виднеется кусок мутного окна. Одна из его створок заколочена фанерой, по которой кто-то широкой кистью намазал кривую красную полосу. Возле окна крылечко, но виден лишь кусок козырька, край коричневой двери и кованые чугунные завитушки, поддерживающие козырек.

– А вполне возможно, – подхватывает разговор мама. – Все верно. Слева сквер с деревьями и фанерка с красной полосой.

Я помню первые свои ясли. Вместе с такими же ползуночниками сижу на ковре. Слева от нас нижняя часть черного фортепиано с изогнутыми массивными боковинами. Помню, как укусила за щеку одного назойливого карапуза. Он сморщил мордашку и громко заревел.

– А, знаешь, – говорит мне мама, – Я как то однажды пришла за тобой в ясли, а воспитательница мне говорит, – «У вашей Вари появился жених, он не отходит от нее и целует пальчики». Я с чувством вскипающей тещинской ревности прошу его показать. Воспитательница приоткрывает дверь в группу. – «Вот он». – Вот этот? Белобрысый какой-то и сопливый. Фу. А потом ты и правда вдруг зачем-то его тяпнула за щеку.

Я помню свой второй детский сад. Мне уже года два. Он был деревянный, и там всегда было очень жарко. В холле прямо посередине располагалась огромная лестница. Она была выкрашена масляной краской в виде ковровой дорожки. У нее были невысокие гладкие ступеньки, и по ним было удобно скатываться прямо на попе, когда тебя приходили забирать из сада.

– А санки? Мама, ты помнишь, как у нас в саду сперли санки? – я начинаю смеяться.

– Еще бы не помнить, я даже вычислила эту гадину, но она так и не созналась. Мне потом пришлось, пока новые санки не купили, тебя на руках таскать. Ты ж в шубах, да шапках с валенками, как колобок была, еще и изрядно тяжеленный. А лестница была вовсе не большая, как ты говоришь, просто ты была маленькая, – улыбается мне мама.

В этом садике была круглосуточная группа, и я там часто оставалась на ночь. Неподалеку от детсада был каток. Там допоздна играла музыка. И я под нее засыпала.

– Мама, а мы в садик ходили мимо какой-то воинской части, да? – спрашиваю я.

– Это не воинская часть, это военное училище. – отвечает мама. Помнишь, как однажды я тащила тебя на руках, а у курсантиков было построение. И ты с серьезным видом им выдала – «Здавова, садаты!» У них со смеху весь строй развалился.

– Нет, – смеюсь я, – Такое не помню. Зато я помню, как ты меня в сугробы кидала. В такие огромные и пушистые, а я смеялась.

– А тебе так нравилось это развлечение. Только суровые сибирячки, проходящие мимо, поглядывали на меня осуждающе.

– Ой, да ты всегда шалила, – улыбаюсь я. – Тебе вечно приходилось делать замечания. И вообще, кто из нас дочь, а кто мать? ... Мам, я еще помню свой большой трехколесный велосипед. Я на нем Аленку в школу провожала, когда тепло было. Кстати, почему мы его не забрали, когда уезжали?

– В контейнер не поместился. – отвечает мама. – Кстати, Аленка, когда пошла в первый класс, пришла как-то поздненько из школы. Мы ее с тетей Галей спрашиваем: «Почему так поздно?» – а она нам: «Да классный час был, чилия какая-то и песню учили про котят». – «Каких котят?» – «Котят ли русские войны» – отвечает нам Аленка на полном серьезе.

В Томске нам жилось хорошо, и театр прекрасный, и люди. Вот только там очень холодно. Но и это бы пережили, если бы не поворот судьбы.

Летом меня вновь отправили к бабушке. Я там как-то неудачно посидела на мокром песке и застудила почки. Нужно было срочно меня устроить в больницу. Бабушка жила вместе с моими тетей, дядей и их детьми.

Это был настоящий шпионский детектив. Моей тетушке удалось определить меня в больницу, как свою родную дочь под ее мужниной фамилией. Со мной серьезно поговорили и велели строго настрого называть тетю мамой, а дядю папой. Кстати для меня они на всю жизнь так и остались мама Аля и папа Ваня.

Я там пролежала больше месяца. В начале августа после гастролей, приехала мама.

Она примчалась в больницу, поговорила с врачом. Пришлось сознаться в вынужденном подлоге с родственной принадлежностью. Но, для доктора здоровье ребенка было важнее бумажных формальностей. Узнав, что мы живем в Сибири, врач замахал руками:

– Немедленно оттуда уезжайте! Там холодно, частые простуды. Вы можете потерять дочь!

И мама рванула в Москву, где каждое лето в августе проходила так называемая «актерская биржа». Союз Театральных Деятелей организовывал это мероприятие для актеров и режиссеров. Работала эта биржа неделю или две. Сюда приезжали актеры, желающие поменяв театр и режиссеры или директора театров, которым были нужны новые сотрудники.

Мама успела приехать практически в последний день работы биржи. Едва она бегом влетела в арендованный для этих целей особняк, как ее тут же схватил за руку знакомый режиссер.

– Привет, ты чего такая взъерошенная? – спросил он миролюбиво.

– Мне нужно на юг! Мне нужно спасти дочь! – эмоционально выпалила мама.

– Так поехали со мной, я как раз устроился работать в теплых краях. — улыбнулся режиссер.

Так мы с мамой поехали на юг. Правда, югом оказался южный Казахстан. Но тут уж не поспоришь – юююжный!

Прощай, любимый Томск, милый сердцу театр, пушистые сугробы и лютые морозы. Колеса поезда мерно отстукивали ритм. Тук-тук, тук-тук, на юг, на юг....

Джамбул

Пока мама занималась переездом и обустройством на новом месте, я жила у бабушки в челябинской области.

– Варька, ты теперь джамбулка, – подтрунивал надо мной папа Ваня, всякий раз усаживаясь за стол обедать или ужинать.

– Я не булка! – кричала я, – Никакая я не джамбулка!

– Тиханька, тиханька, – легонько постукивая по спине, успокаивала меня бабушка.

И вот меня привезли в Джамбул. Нас с мамой поселили в маленькой комнате двухкомнатной квартиры, в которой жила Клавдия Львовна. Это была пожилая женщина с благородной седой головой и гордой прямой осанкой. Ее сын Лёвушка был когда-то в театре режиссером, но трагически погиб в расцвете лет. В театре из уважения к его памяти не стали выселять пожилую женщину из квартиры. Но, считая, что ей слишком жирно пользоваться столь большой площадью, периодически кого-то к ней подселяли.

Жила она очень уединенно и независимо. В гости никто не ходил. В квартире была идеальная чистота. В ее комнате стояла большая железная кровать с шишечками на спинках. Всегда аккуратно застеленная покрывалом, на котором в изголовье стояли две огромные взбитые подушки, покрытые кружевной накидкой. Шкаф, комод и старинное пианино марки Бернштейн.

Единственной верной компаньонкой была кошка Муська. Гладкошерстная, трехцветная, с огромными зелеными глазами и тощим длинным хвостом. Кошка была нелюдимая. Она признавала лишь свою хозяйку. Иногда вечерами, Клавдия Львовна садилась в глубокое старинное кресло с высокой спинкой и, глядя на портрет своего Лёвушки, плакала. Дикая, по отношению ко всем, Муська, прыгала ей на колени и начинала слизывать слезинки, скатывающиеся по старческим щекам.

Мама сразу меня предупредила, что в квартире нельзя шуметь и шалить, чтобы не беспокоить величественную соседку. Мне это условие выполнять было не трудно. Иногда Клавдия Львовна приглашала нас к себе в комнату. Мне очень хотелось погладить Муську, но она мигом забиралась под кровать, где все было заставлено ящиками с книгами, и выудить ее оттуда было не возможно. Они беседовали с мамой. А я тихо гладила уголки пианино. Или рассматривала замысловатые трещинки на его крышке.

На второй день после моего приезда ночью выпал первый снег. Причем как-то сразу и неожиданно во дворе образовались сугробы глубиной примерно сантиметров двадцать. Увидев любимый снег, я запросилась на улицу. Мне разрешили погулять во дворе под окнами и, прихватив пластмассовую лопатку, я вышла на улицу.

Детей во дворе не было. Снег оказался каким-то рыхлым и непривычно мокрым. В Сибири я с таким не сталкивалась. Там он всегда был пушистым и рассыпчатым.

Поковыряв его минут пятнадцать и не найдя в этом ничего интересного, я вернулась домой. От чего-то хотелось плакать. Вспомнился Томск, наш двор и санки. Тут все было не так, все было чужим и неприветливым. На следующий день снег полностью растаял. И стало еще тоскливее.

Театр тоже поначалу не произвел на меня впечатление. Это было огромное железобетонное здание, а не роскошный томский особняк. В нем было холодно и не уютно.

Мама меня устроили в детский сад, который находился на другом конце города. У меня от него не осталось никаких впечатлений. Да и водили меня туда не часто и не долго. Помучившись с моей утренней и вечерней доставкой в сад и обратно, мама плюнула и решила отказаться от этой затеи.

Наконец, зима все-таки наступила. Я подружилась с ребятами во дворе. Мы катали друг друга на санках, кидались снежками. И там впервые меня научили лепить снеговиков.

Однажды к нам во двор прибежала огромная овчарка. Это был пес, и мы его назвали Верный. У него был чудесный огромный шершавый нос, большущий розовый язык, которым он норовил лизнуть каждого и внимательные чуткие глаза, выражающие абсолютную преданность. Я прибежала с ним домой.

– Мама, мама, – закричала я с порога. – Посмотри, это Верный! Он такой умный! Давай, он будет жить у нас!

– Это невозможно, – вздохнула мама, рассматривая собаку. – У нас мало места, да и Клавдия Львовна вряд ли этому обрадуется.

Мы сидели с Верным в подъезде. Я его обнимала и плакала. Пес вилял сочувственно хвостом и поскуливал. Через какое-то время он пропал. То ли его кто-то приютил, то ли нашелся его настоящий хозяин.

Однажды мы с мамой возвращались вечером из театра. В розовом свете уличных фонарей кружились пушистые снежинки. Мы остановились ими полюбоваться.

– Мама! Мам, – тихонечко позвала я.

– Что случилось? – мама присела и заглянула мне в лицо.

Я прижала ладошками уши ее белоснежной кроличьей шапки и сказала, – Мамочка, ты так на Верного похожа, правда, правда.

Она рассмеялась, и мы пошли дальше к дому.

В Джамбуле тепло

Больше всего в южном Казахстане меня радовал климат. Вернее, смена сезонов. Она происходила настолько быстро, что ты даже не успеваешь поворачивать на гадкую погоду.

Самым снежным месяцем был февраль. Мы успевали вдоволь накататься на санках и даже на коньках. Возле нашего дома была дорога, по которой изредка проезжали автомобили. Они хорошо укатывали снег, по которому можно было кататься на коньках.

Снег лежал до конца февраля. Но уже к восьмому марта его не было, и люди привозили из гор первые подснежники и чуть позже тюльпаны. К концу марта пышно цвел урюк. Деревья были похожи на красивые огромные розовые шары. В апреле появлялась листва на деревьях. А во второй половине мая наступало лето, и можно было купаться. Лето было длинным преддлинным. Вплоть до середины сентября. Затем наступала красивая сухая осень, с желтыми и красными листьями. Погода хмурилась лишь во второй половине ноября, а в начале декабря ложился снег, и наступала зима.

Весной мы переехали в другой дом, в актерское общежитие. Это была четырехкомнатная квартира, в которой у нас была одна комната. Я быстро нашла себе во дворе подруг, и мы с утра до вечера играли на улице.

В начале лета мы с мамой уехали с театром на гастроли и вернулись где-то в середине июля. Наступило мое первое дворовое лето. Оно оказалось весьма занятым. Мы с подружками бегали по двору исключительно в трусах. Другой одежды не требовалось.

С годами я поняла, что такое счастливое детство. Оно у всех счастливое. Ну, может трудным оно могло быть, разве что во время войны. А так, легкое и беззаботное. Это родители ломают голову, во что тебя одеть и чем накормить. Главная забота ребенка – чем себя занять? И занятий мы себе находили массу.

Мы лазали по деревьям, играли с мальчишками в догоняшки, в прятки, в войнушку. Если становилось жарко, можно было плюхнуться в арык с водой. Благо сеть арыков опутывала весь город и каждый дом в микрорайоне. Искупавшись, загорали на горячем асфальте и вновь куда-то бежали.

– Айда задетдом! – раздавался клич и все с улюлюканьем и криками апачей мчались за дом.

Я думаю, что выражение «задетдом» образовалась от словосочетания «сзади дома», которое слилось в понятное всем детям обозначение территории.

Там росло много деревьев и раскидистый тутовник. На нем удобно было строить себе домики из картонных коробок, которые всегда можно было найти около магазинов. Возле нашего дома их было три. Перед ними была приличная заасфальтированная площадка, на ней мы любили играть в «краски».

– Я монах в синих штанах, в красной рубашке, в сопливой фуражке – кричал водящий.

Ведущий у него спрашивал:

- Зачем пришел?
- За краской.
- За какой?

И водящий называл любую краску. Все участники до этого загадывали себе цвета. И если монах угадывал, «краска» срывалась с места и убегала. Если ее догоняли, то уже монахом становилась она.

Или играли в «цветы». Каждый загадывал себе цветок. Нужно было четко запомнить, что кто загадал. Ведущий начинал:

- Я садовником родился. Не на шутку рассердился, все цветы мне надоели, кроме розы.
- Ой, – отвечала быстро Роза.
- Что с тобой?
- Влюблена.
- В кого?
- В Ромашку.

Тут уже Ромашка должна была быстро ойкнуть и назвать другой цветок. Если у кого-то тормозила соображалка, то он становился садовником, и игра начиналась сначала.

Возле магазинов частники каждый день разворачивали торговлю арбузами. К вечеру всегда у них оставался какой-то неликвид. Или покупателям не нравился замятый арбузный бок или он оказывался надтреснутым. Такой непроданный товар отдавали нам. С победным кличем и добычей все мчались «задетдом».

Там у нас был жертвенный камень. Он чем-то напоминал пирамиду с острой вершиной. Об нее арбуз раскалывали на огромные куски и все с удовольствием лопали. По животам стекал розовый сок. А вся территория вокруг камня была усыпана арбузными косточками.

Прикончив арбуз, мы мчались окунуться в арык. И снова бежали играть на площадку у магазинов.

Вечером все собирались на лавочке и рассказывали в темноте страшные истории. При этом все дружно хохотали и корчили рожицы, изображая мнимый страх. Сидели до глубокой темноты бархатной южной ночи пока с балконов не начинали раздаваться трели:

- Таня, домой!
- Света, домой!
- Нина, домой!
- Лена, домой

Моя мама тоже звала меня с балкона. Желая похохмить, она намеренно кричала противным визгливым тоненьким голосочком:

- Ваааряяя, домой!

Я не могла выдержать такого позора и быстро мчалась домой, чтобы в очередной раз выговорить маме.

– Прекрати меня звать таким противным голосом, – кричала я отчаянно, – Надо мной все смеются.

– Зато это самый эффективный способ быстро загнать тебя в квартиру, – парировала мама. – Марш в ванну!

Я терпеть не могла эту противную, на мой взгляд, процедуру отмывания. С меня стягивали грязно-серого цвета трусы, бывшие утром белоснежно чистыми. И макали в воду.

А утром начинался новый интересный день.

Зоопарк

Как-то раз днем во двор прибежали мальчишки и сообщили нам сногсшибательную новость.

– Там, за микрашом зоопарк привезли! – тараторили они наперебой. – Мы туда лазали, там такой забор из прутьев, но пролезть легкотня.

«Микраш» это наш микрорайон. Родители не разрешали даже со двора уходить. А уж уйти далеко за территорию микраша было страшным преступлением.

Но мальчишки в красках так расписывали увиденное, что мы решились отправиться в поход. Спрашивать разрешения у родителей было явно бесполезным делом. Все равно, ни за что бы, непустили.

– Мы быстренько сбегает, – решили мы коллегиально, – Глянем одним глазком и сразу же вернемся. Никто и не заметит.

И наша дружная ватага рванула в сторону зоопарка.

Пролезть сквозь прутья было и, правда, пустяшным делом. Мы очутились на поляне, со всех сторон уставленной клетками. Я первый раз в жизни видела такое количество живых дикобразов, лисиц, волков, хищных птиц, крокодилов, змей и прочей живности. Они находились от посетителей буквально в двух шагах. И всех можно было подробно рассмотреть.

Как замороженные мы ходили вдоль клеток, установленных в два яруса. Но главное впечатление нас ждало впереди. На середину поляны в отгороженный вольтер привели откуда-то из подсобных помещений огромного слона. Ему кинули охапку сена, поставили корзину с какими-то овощами и фруктами и принесли два ведра воды.

Слон сразу же опустил свой хобот в одно ведро и с шумом начал втягивать в себя воду. Оно вмиг опустело. Такая же процедура постигла и второе ведро. Наконец, слон принялся за трапезу. Он забавно подхватывал из корзины каким-то пальцем на кончике хобота яблоко или грушу и ловко закидывал себе в огромный открытый рот со свисающей вниз длинной губой.

Дети радостно визжали и смеялись. Потом слон как-то странно потоптался. И, вдруг, откуда-то из-под хвоста с огромным напором полилась струя. Она распадалась на множество тяжелых капель, которые падая в толстый слой пыли, взрывались маленькими фонтанчиками. Очень быстро образовалась внушительная лужа. Радости малышни не было предела.

Домой мы мчались рысью. Начало смеркаться. Во дворе стояли кучкой наши родители и выпытывали что-то у мальчишек.

– Где вы были? Где?!! Мы уже весь микрорайон обежали – наперебой орали на нас мамы и чей-то папа.

– Мы... мы... в зоопарк ходили, – тихонечко мямлили мы.

Родители, ругаясь и отвешивая кому-то шлепки, расхватили нас и потащили по домам.

– Мама! Мама! – буквально захлебываясь своими эмоциями, спешила я поделиться своими впечатлениями, – Там так интересно, там такой огромный слон написал вооот такую лужу, мама! А змея, змея, она вот прям такая же, как ты! – сказала я и, через небольшую паузу, уточнила, – Такого же метра!

Мама рассмеялась, и желание меня наказывать у нее моментально пропало.

Хома

Первый хомяк у нас появился еще в Томске. Кто-то из театральных, видимо желая избавиться от скотинки, подарил его нам. Хомяка называли Хома. Он жил у нас в трехлитровой банке.

У меня появился негласный ритуал. Сидя на горшке, посреди комнаты, я просила маму:

– Дай мне хомочку подельжать!

Мама доставала хомяка и давала мне. Хома так и норовил выкарабкаться из моих детских ручек. Поэтому я его сжимала покрепче. Наблюдая за этой борьбой, мама наконец, не выдерживала:

– Варя, ну зачем ты его так терзаешь? Давай вернем его в банку.

Собственно, на этом ритуал каждый раз и заканчивался. Хомяку было тесно в банке, и он стремился наружу. Вставал на задние лапки и быстро-быстро греб передними в надежде, что сумеет вскарабкаться. Но, они лишь скользили по стеклу.

Однажды, долго наблюдая за этой картиной, я сделал вывод:

– Мама, смотри, как тельзает, как тельзает.

В моем понимании слово «терзать» означало вынимать Хому из банки. Куда он потом делся, я не помню. Видимо тоже кому-то отдали.

В Джамбуле первым моим живым уличным трофеем была черепаха. Как-то летом мы играли в прятки на огромных газонах из клевера. Они окружали расположенный рядом с домом кинотеатр. Играть было забавно. Пока водящий считал:

– Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать!

Нужно было отбежать подальше, рухнуть в траву и замереть. Бухнулась я как-то в траву, лежу. Вдруг рядом что-то зашевелилось. Я подумала, что это змея, и вскочила. Лучше быть обнаруженной и потом водить, чем оказаться укушенной.

Приглядевшись внимательно, я увидела, что это черепаха. Видимо какой-то «очень добрый» человек выбросил ее, как надоевшую игрушку. Игра тут же была закончена, и я с гордым видом, прижимая черепаху к груди, двинула домой.

– Мама, я черепаху нашла! – крикнула я с порога. – Ее кто-то выбросил в клевер, а я нашла. Она же не выживет на газоне зимой, можно она будет жить у нас?

– Надо же какая Тортилла, – мама погладила черепаху пальчиком по панцирю. – Да, пусть живет, только ты будешь за ней ухаживать.

– Конечно, буду, – я даже подпрыгнула от радости. – Подержи-ка ее, я сгоняю на помойку за коробкой. И мои сандалики быстро застучали по ступенькам.

В нашей четырехкомнатной актерской общаге почему-то надолго другие жильцы не приживались. И часто остальные комнаты пустовали. В соседней такой же общаге – тоже четырехкомнатной квартире, в нашем же доме, но в другом подъезде, всегда было битком, а у нас нет. Маме разрешили занять вторую комнату. И у меня появился свой законный отдельный угол.

Мама никогда не препятствовала моему желанию заводить животных. Поэтому вся найденная на улице живность в итоге оказывалась у нас. Помню, как-то раз, мы нашли во дворе щенка, и я торжественно принесла его домой. Но жил Тимка у нас до первых гастролей. Взять его к себе на лето согласилась театральный парикмахер, тетя Наташа. Она жила с пожилой мамой, и та с удовольствием приютила Тимку. А в итоге так к нему привязалась, что, когда мы вернулись, отдавать назад отказалась наотрез.

Летом я таскала домой воробьев, которые, толком не научившись летать, падали из гнезд. Пришлось в зоомагазине купить металлическую клетку для птиц. Мама даже научилась их выкармливать. Она брала половинку яичной скорлупы с оставшейся плёночкой, наливала в него воду, и капельками, стекающими по плёночке, поила пернатых. Через неделю воробышки крепили и упархивали прямо с балкона.

Как-то раз я принесла ворону, ее видимо хорошенько потрепала кошка. Несчастную птицу выходили и тоже благополучно отправили на волю.

А однажды мы во дворе нашли белого хомяка. После долгих препирательств, хомяк достался мне. Я принесла его домой и посадила в птичью клетку. Поздно вечером вернулась со спектакля мама и легла спать.

Она проснулась от какого-то дребезжания. Звенело довольно громко. Мама встала, включила свет и обнаружила, что это хомяк отчаянно грызет алюминиевые прутья клетки. Не зная, что с этим делать, а спать-то хотелось, она не придумала ничего лучше, чем просто отпустить хомяка гулять по комнате.

Примерно через час в комнате послышалось громкое хрумканье. Маме пришлось снова встать. Оказалось, что хомяк нашел щелку между полом и плинтусом у балкона, залез в нее, и начал грызть древесно-стружечную плиту, которая лежала под линолеумом. Мама попыталась вытащить оттуда хомяка, но он ее от души тяпнул за палец, отстаивая свое новое жилище.

Спать хотелось невыносимо, но это методичное «хр-хр-хр» этого не позволяло. Рядом с балконом на столике стояла брызгалка для белья при глажке, и мама, недолго думая, решила отомстить «гаду». Она, от души попрыскала в норку водой.

Хомяк притих. Подождав еще немного, мама наконец легла и заснула. Примерно через час, обсохнув и приведя свою шубку в порядок, оккупант вновь начал расширять пространство с удвоенной энергией.

Полусонная мама снова побрызгала в норку водой. Так ей пришлось вскакивать всю ночь. Утром, проснувшись, она накинулась на меня:

– Немедленно уноси эту тварь! – рявкнула мама и рассказала про свои ночные мытарства.

Днем она уехала на репетицию, а я стала думать, как же выманить хомяка из уже довольно глубокой норы. Палец не сунешь – кусается. Я сгоняла на кухню, принесла кусочек печенюшки, положила возле норки и стала ждать. Не тут-то было. Хомяк, видимо, предпочитал помереть от голода, нежели лишиться своего нового дома.

Наконец, я придумала. Взяла большую ложку и быстренько выковырнула испуганного хомяка наружу. Схватив его, я побежала к Ленке, которая вечером тоже отстаивала свои права на него, и вроде даже всплакнула.

– На, держи! – сказала я ей, когда Ленка открыла мне дверь, – Забирай, мне не разрешили!

Гастроли

Летом мама не смогла меня отправить как раньше, к бабушке, и решила взять с собой на гастроли. Так, кстати, делали многие актрисы в театре.

Мы стали собирать вещи. Видя, как мама пакует чемодан, я тоже решила взять с собой самое необходимое.

– Много не бери, – сказала мама, – А то не утащим.

Я сидела на полу и перебирала свои сокровища. Большие игрушки брать нельзя, а маленьких у меня особенно и не было. Я разложила на полу большой носовой платок и стала на него складывать: маленький пупсик-голыш, пять разноцветных фантиков от конфет, три круглых значка, карандаши и пузырек из-под духов. Немного поразмыслив, положила сверху пластмассовый танк и завязала концы платка узелком.

– Все, – выдохнула я. И про себя подумала: «Синий автомат я сразу повешу на шею»

Мама покосилась на мой узелок и тихонько захихикала.

– Так и пойдешь с узелком? – мама заталкивала вглубь себя смех. – Крестьянская девушка Варвара. Давай пожитки, положу в чемодан, так и быть.

Встали мы очень рано, было еще темно. За нами заехал театральный автобус. В нем уже сидела часть актеров, остальных забирали по дороге. Мы приехали на железнодорожный вокзал. Пахло железом, углем и креозотом. Актеры с сумками и чемоданами стояли на перроне, и я с любопытством всех разглядывала.

Вдруг я увидела, что одна из актрис держит за руки мальчишек примерно моего возраста. Они как две капли воды были похожи друг на друга.

– Это близнецы, – тихо сказала мне мама, – Федя и Ваня. Думаю, вы подружитесь.

Наконец, подошел поезд, все быстро погрузились, и мы поехали. Первым городом был Павлодар. Нас поселили в огромной высотной гостинице с лифтом. В коридорах везде лежали красные ковровые дорожки. А двери все были одинакового светло-коричневого цвета.

Оценив достоинства гостиницы, мы с мамой решили прогуляться и посмотреть город. Перед выходом я попыталась оказать сопротивление, чтобы не надевать платье, а идти привычно в трусах. Но, мама меня тут же осадила:

– Это незнакомый город. Даже центр города. Ты же в театр со мной в трусах не приезжаешь? Надевай платье, и никаких гвоздей!

Мы спустились вниз и вышли на улицу. Перед гостиницей находился небольшой фонтан. Он не работал, но в его чаше была вода, и там плескались какие-то мальчишки. «Везет же, – подумала я, – Но, ничего, мы только приехали»

Мы бродили по зеленому ухоженному городу, везде были цветочные клумбы и много-много красивых фонтанов. Перекусив в блинной, вышли на улицу. Рядом с кафешкой оказался кондитерский магазин, в его витрине были выставлены огромные красивые торты. Мы остановились ими полюбоваться.

– Т.. о... то... ррр.... т...ы...рты, – читала я по слогам, – О, мама, торты!

– Молодец, – ответила мама, – Читай дальше.

– На... з.. а.. за.. ка.. з, – продолжила я, – На зака..З! А что это такое?

– Это значит торты на заказ, – сказала мама, – Тут принимают заявки от людей и делают специально кому-то к праздникам.

В витрине красовались двух и трехъярусные торты, украшенные розами и узорами из крема. Вдруг я увидела ежика, сделанного из крема серого цвета, с бисквитной коричневой мордочкой и черными глазками.

– Ой, мам, смотри, ежик! – обрадовалась я.

– Надо же, правда ежик, – ответила мама. – Торт-ежик.

На площади у памятника Ленину фотографировались молодожены. Пар было несколько. Все невесты в пышных белых платьях и фатах. Я дернула маму за руку, чтобы она остановилась. Невесты, женихи и гости улыбались. В руках у женщин были яркие букеты цветов.

– Я тоже хочу быть невестой, – прошептала я.

– Да будешь, когда вырастешь, – улыбнулась мама.

Мы пошли в сторону гостиницы. Было жарко. Проходя мимо очередного фонтана, я взмолилась:

– Мамочка, ну можно я хотя бы ножки помочу.

– Ладно, давай, – сдалась мама и расстегнула мне пуговку сзади на платье. – Нырять, Маугли.

Быстро стянув с себя ненавистное одеянье и сняв сандалии, я метнулась к фонтану. Холодные струи сперва обожгли тело, но я легла вниз и поползла вперед на руках, изображая, что плыву.

Выбравшись из фонтана, платье натягивать было уже без надобности. Надев лишь сандалии, я гордо вышагивала впереди мамы, потряхивая мокрыми кудряшками.

– Хорошо сложена – бросила вслед какая-то старушка.

Я повернула голову и стала пытаться на ходу разглядеть себя сзади. Мама улыбалась. Возле гостиницы я остановилась и спросила умоляюще:

– А можно и мне в фонтан?

– Валяй, – махнула рукой мама.

Я залезла в чашу фонтана. Она была в виде обычного прямоугольного небольшого бассейна. Воды было по колено. И она была гораздо теплее, чем в работающем фонтане. Кругом плескались и брызгались мальчишки. Минут через пятнадцать, вдоволь набарахтавшись, я вылезла, и мы пошли в свой номер.

Мама стала разбирать чемодан. А я мучительно думать, как же мне превратиться в невесту?

– Мама, а это что? – спросила я, увидев, как та вынимает из чемодана, какой-то белый, плотно прошитый прямоугольник с множеством тесемочек.

– Это утяжка, – ответила мама, – Чтобы грудь утягивать, когда играешь мальчиков.

– А можно мне померить? – спросила я.

– Зачем? – засмеялась мама, – Что, тебе-то там утягивать?

– Мамочка, ты не понимаешь, – затараторила я. – Если это надеть вот сюда наверх, а вниз завязать вон то, белое полотенце, получится платье невесты! Вот только фату бы придумать.

– Ну, фату при желании можно сделать из марли, – улыбалась мама. Она всегда с собой возила марлю, чтобы не прожечь утюгом одежду.

Собрав одну сторону куска марли, мы завязали ее узлом, получилась настоящая фата, я тут же напялила ее утяжку и полотенце.

– Ну, точно невеста, – улыбалась мама. – А жених тогда кто?

Я подумала немного и выпалила:

– А женихом будет Федя! Ну, или Ваня! Мы закажем торт Ежик и будем праздновать свадьбу!

На следующий день я гордо расхаживала по гостинице в наряде невесты. По такому случаю, даже не пошла купаться в фонтане. Дежурные по этажам и постояльцы гостиницы с удивлением на меня поглядывали. И все почему-то улыбались.

В коридоре я подкараулила Федю и Ваню, которых мать вытащила из фонтана.

– Будешь моим женихом? – притиснула я Федю к стенке.

– Не знаю.. – пролепетал Федя, не понимая, что это такое ему предлагают.

– А бы будешь моим женихом? – придвинулась я к Ване.

Тот только моргал пушистыми ресницами и молчал.

– Ну, думайте тогда, – отрезала я и пошла дальше гордо по коридору.

На следующий день, более смелый по сравнению с братом, Федя дал мне ответ:

– Не будем мы на тебе пожениться! Мама сказала, что нам еще рано пожениться!

Я пошла в свой номер и все рассказала маме.

– Не расстраивайся, – утешила она, – Будет у тебя в жизни еще куча женихов.

Как ни странно, я даже не всплакнула. Просто больше быть невестой мне не хотелось. Я сняла «невестинский» наряд и отправилась купаться в фонтане.

Гастроли в Павлодаре закончились. Мы грузились в автобус. Из распахнутых окон выглядывали дежурные по этажам. Все улыбались, махали руками и кричали:

– До свидания, Варварушка, невестушка ты наша, счастливого пути!

Следующим городом была Караганда. Там я капитально задружилась с братьями-близнецами. Спектакли играли на разных площадках. Первой был какой-то Дворец культуры. Там стояли огромные кадки с фикусами и пальмами. Поверхность земли была засыпана гравием и на нем лежали разноцветные стеклянные камушки. Пока шел спектакль, я сидела в фойе и перебирала эти странные гладкие, почти что круглые и прозрачные стекляшки. И размышляла, натуральные они или сделаны специально. В фойе просочились братья.

– Знаешь, что мы нашли? – заговорщически спросил меня Федя.

– Что? – ответила я.

– Пошли, покажем, – предложил Федя.

Рядом с Дворцом за деревянным забором находилась полузаброшенная стройка. Отодвинув одну из досок, мы проникли туда. Посередине стройплощадки располагался неглубокий котлован. Он был заполнен водой, а вокруг были огромные лужи. Мы подошли поближе.

– Смотри, – почти шепотом сказал Федя.

В воде плавали какие-то червячки, с дергающимися хвостиками.

– Это головастики, – пояснил Федя. – А вон там есть и лягушата.

Прокладывая себе путь с помощью досок, мы подошли к котловану. Там действительно, плавали симпатичные лягушата, маленькие, длинной, наверное, с мизинчик. Но настоящие. Они смешно отталкивались в воде своими лапками.

– Руками не поймашь, в воду можно свалиться, – деловито сказал Федя.

– Нужен сачок – впервые открыл рот Ваня.

– Я знаю, что делать! – радостно сказала я и помчалась в сторону Дома культуры. – Поищите пока проволоку.

Я прибежала в гримерную. Там никого не было. Схватив с гладильной доски марлю, я отрезала ножницами от нее небольшую полосу. «Думаю, не заметят» – пронеслось в моей голове. И помчалась обратно к братьям.

Мы, как могли, соорудили из проволоки и куска марли сачок, и стали ловить лягушат. Это оказалось непростой охотой. Лягушата были такими проворными, что моментально умудрялись удрать от сачка.

– Не поймаем, – сокрушался Ваня.

– А если поймаем, куда их девать то? Без воды враз усохнут, – добавил Федя.

Решили идти искать подходящую тару.

– Надо найти помойку, – поделилась я своим опытом дворовой жизни.

Дворец находился на каком-то пустыре. Помойки поблизости было не видно. Обойдя здание по периметру, желанная свалка нашлась. Братьям удалось найти пол-литровую банку, а мне маленькую из-под майонеза. И довольная троица вновь двинулась к котловану.

Лягушата упорно не желали быть пойманными. Как мы не старались их шугать с одной стороны и загонять на ловца с сачком, ничего не получалось.

– Федя! Ваня! Вы где? – слышали мы крик мамы близнецов.

Спектакль закончился. И нас уже искали. Братья побросали инвентарь и побежали к выходу.

– Эх, не получилось, – досадно вздохнула я.

И тут вдруг из травы прямо на меня выскочила довольно большая лягушка. В три прыжка я ее настигла, схватила, сунула в баночку, зачерпнула из лужи водички, чтобы «не усохла» и помчалась с добычей к маме.

– Вот, смотри, – с чувством победителя, гордо сказала я и протянула маме лягушку.

– Зачем она тебе? Погибнет же! – устало отмахнулась мама.

– Не погибнет! – ничем не аргументировав, ответила я.

Мы поехали обедать в какую-то городскую столовую. Посадив меня за столик, мама отправилась с подносом к стойке раздачи еды. Я достала баночку, поставила ее на стол и стала рассматривать лягушку. Она выпученными глазами смотрела на меня из-за стекла.

– Ты с ума сошла, – услышала я вдруг над ухом шипение мамы, – Быстро убери ее со стола. А то еще стошнит кого-нибудь.

Честно говоря, я не понимала, почему от вида такой милой лягушечки кого-то может стошнить. Но послушно убрала банку в сумку.

В номере не нашлось для лягушки никакой подходящей емкости, кроме массивной пепельницы, которая стояла на столе. Я налила в нее воду, положила лягушку и стала наблюдать. Лягушка лишь изредка подергивала одной лапкой.

– Не мучай лягушку, – сказала мама, – Она же умрет.

Ждать смерти бедной пучеглазки как-то не хотелось. Пришлось спуститься вниз и выпустить ее в лужу у гостиницы.

Картошка в мундире

Вторая половина гастролей оказалась не такой фешенебельной. Мы мотались по своей области и ближайшим окрестностям, по небольшим городишкам и селам. Жить приходилось в жутких гостиницах или бараках с удобствами на улице.

Меня и до этого чем попало накормить не удавалось, а тут наступил период, когда впихнуть в меня что-то, даже ранее привычное, не удавалось.

Я отказывалась буквально от всего. И ела с удовольствием только черный или серый хлеб, посыпанный солью, который был в пшеничном Казахстане в дефиците. Вареную картошку в мундирах и серую лапшу второго сорта, без ничего! В лучшем случае с крохами потертого сыра.

Такими кулинарными пристрастиями я буквально изводила маму. В маленьких городках был не богатый выбор пунктов общественного питания. И если даже вдруг попадалась какая-нибудь столовка, в ней я ничего не ела.

Как-то раз актерам удалось достать полведра картошки. Этот корнеплод, кстати, плохо себя чувствовал в южных краях и в дефиците был частенько. Всем кагалом решили пожарить картошки. Народ бегал вокруг огромной сковородки и буквально исходил слюной. Мама вынуждена была выпросить три картофелины и сварить их мне в кастрюльке кипятильником. Все ели жареную картошку и мурлыкали от удовольствия. Я же с удовольствием уплетала сваренную в мундире.

В августе у актеров наступил традиционный отпуск. В магазинах овощное изобилие. Мама готовила фаршированные перцы, соте из баклажанов, всевозможные щи и борщи. Я питалась серой склизлой лапшой.

У меня был маленький столик и стульчик, и пока мама готовила, я сидела и ела свою лапшу на кухне.

Как-то раз в кухню зашла соседка тетя Клава, жена монтировщика сцены и знатная кули-нарка. Увидев привычную картину, кивнула в мою сторону:

– Что? Опять?

– Да, – вздохнула мама, – Ничего не могу поделать.

Тетя Клава призадумалась и выдала по-простецки:

– Опять лапшу жрешь?.. Эх, Варька, будешь жрать лапшу, у тебя жопа воот такая вырастет, в дверь не пролезешь!

Ее грубоватость была совершенно не обидной. Она добавляла ее суровому житейскому облику определенный шарм. Я внимательно посмотрела на нее и отодвинула тарелку.

Больше проблем, чем меня накормить, не было.

Театр (вступление)

Джамбульский театр от Томского отличался как черное от белого. Тут балом правил «змеюшник». Яростное соперничество, интриги, козни и стукачество в этом храме искусства были нормой.

Наверное, если бы Станиславский в свое время не написал свою знаменитую «Этику» или кодекс поведения актера, которую изучают как первую и главную книгу в каждом театральном училище, актеры плевали бы друг другу в лицо и били морды.

Но «Этику» надо было соблюдать. От этого поведение многих становилось ужасно фальшивым и чересчур подобострастным.

– Здравствуйте, Борис Маркович, – угодливо раскланивались директору театра.
– Добрый вечер, Михаил Фомич, – с натянутой улыбкой приветствовали главного режиссера.

А за глаза примерно звучало следующее:

– Чертов лысый карлик отказался мне оклад повысить!
– Этот дубина Фомич похож на своего бульдога, лишь бы брехать и гавкать.

Вообще клички в театре если прилеплялись к человеку, то намертво. Чаще всего друг друга называли по фамилиям. Если от фамилии получалось найти какое – то производное, то это выглядело примерно так: актриса Пловцова была пловчиха, а актрису Пеструшенко за стесанность и скверный характер прозвали Пеструшкой.

Интриговали изощренно и беспощадно. Могли «сожрать» режиссера, художника, да любого, если человек становился кому-то не угоден и это одобряла какая-то часть коллектива. Или кто-то не устраивал руководство.

Подлизам повышали оклады и давали звания. Основной костяк рабочих «негров» получал гроши и эксплуатировался беспощадно.

При этом все делали вид, что всё хорошо, чинно раскланивались и рассыпались в комплиментах тем, кто нужен и выгоден.

Стучали друг на друга руководству и друг другу, передавали неосторожно оброненные фразы из курилки. При этом сами признавали и называли театр «змеюшником». Но по-другому жить и творить не получалось.

К театральным детям относились брезгливо и ревностно. Как-то раз, мы, собравшись троим, я и еще дочери двух актрис, разбегались в фойе. При этом никому не мешали. Одна стервозина это увидела и сразу разнесла слух, что мы debilки. Хотя впоследствии мои подруги в школе учились скромно, но без проблем. Я же вообще училась на одни пятерки.

За годы, проведенные мной в театре, мне вспоминается лишь один случай, когда пришедшая молодая актриса стала всеобщей любимицей. Ее все, даже самые ярые интриганы, звали исключительно не по фамилии, а ласково по имени – Надюшка.

Удивительным было то, что единение и примирение даже у самых ярых врагов наступало только, когда говорили о доме. Вы бы видели, как охотно актрисы могли делиться рецептами приготовления блюд или чудесами хозяйственных секретов.

Если у кого-то случалось горе, тоже не злорадствовали. Сочувствовали все и очень искренно.

Но, в остальном, никому не прощался даже малейший промах. Закладывали мужичков с перегаром, на минуту опоздавших, или хотя бы капельку «облажавшегося» на сцене.

Жизнь шла своим чередом. Кто-то добивался себе определенных привилегий, а кто-то пахал от зари до зари.

Про Красную Шапочку

(Часть 1. «Веселая сказка»)

По пыльной степной дороге трясется старенький ПАЗик. Это театральный автобус, который везет артистов на очередной выездной спектакль. В этот раз зрителям из отдаленного поселка везут милую детскую сказку – «Про Красную шапочку».

Детские спектакли для любого провинциального театра – это гарантированный заработок. Во-первых, дети есть везде, они растут, рождаются новые, которым тоже нужны детские спектакли. Во-вторых, малыши – самая благодарная аудитория, и к тому же практически гарантировано массовая. Если взрослые еще подумают, идти ли им на спектакль заезжих актеров или потратить свой вечер на домашние привычные дела, то дети всегда рады зрелищам.

Вот поэтому по дороге, фыркая и дребезжа, тащится эта старая консервная банка. На новое транспортное средство у театра как всегда не находится денег, и терпеливый водитель регулярно латает эту колыхагу. Из-за постоянных поломок на дороге, выезжать приходится на полтора или два часа раньше. Конечно, это никого не радует, но что поделать? Зритель не виноват, а актеры люди подневольные.

Зато, запас времени позволяет по дороге осуществлять набег на окрестности. Например, пощипать в заброшенных посадках одичавшей смородины, облепихи или дикого урюка. Если повезет, настрелять кислых яблок-дичек или еще чего-то, что попадется по пути. Пожалуй, вернуться с выезда без трофеев было огорчительнее, чем «облажаться» на сцене. Впрочем, такого почти никогда не было.

В этот раз по дороге ничего путного не попало. Зато автобус ни разу не сломался. Расположившись в местном клубишке, артисты пошли в поход, который назывался «Пойти по местному населению». Это значит, что у селян можно купить натурального молока, яиц, кур или деревенского хлеба, такого ароматного и вкусного, с каким не сравнится ни одно городское хлебобулочное изделие.

Но, главной целью похода, как правило, становился местный сельмаг. Это настоящее эльдорадо. Современным «шопоголикам» ни за что не понять то счастье, какое можно было испытать покупателю в годы тотального советского промышленного дефицита.

В небольшом помещении магазинчика продавали все: от рабочего инвентаря, бытовой химии, до одежды и косметики. У сельских жителей повышенным спросом пользовались вещи полезные – резиновые сапоги и галоши, телогрейки и теплые платки. На остальные глупости селяне не тратились. Поэтому на полке магазинчика можно было обнаружить капроновые колготки, импортную модельную обувь на шпильке и даже французскую косметику.

Прочесав село, артисты с чувством гордости и абсолютного удовлетворения, возвращались к месту дислокации. Все ощущали себя счастливыми добытчиками, с радостью рассказывали, что удалось купить и хвалились своими трофеями. За что получали единодушное одобрение коллег.

«Красную шапку» играли с удовольствием. Милая легкая музыкальная сказка, небольшой состав актеров. Всего два мужика – волк, да охотник. Остальные роли исполняли женщины – бабушка, внучка, дядюшка Еж, Белочка, да Заяц. Это было удобно в первую очередь руководству театра. Впрочем, команда подобралась хорошая, поэтому нервы никто друг другу не трепал.

Больше всего утомляла дорога. Многочасовая тряска в стареньком автобусе, который подпрыгивал на каждой кочке, пыль изо всех щелей, летом изнурительная жара, а зимой адских холод. Поэтому, чтобы как-то скрасить столь невеселый путь, актеры любили по дороге травить байки.

В этот раз, пока ехали, одна актриса рассказала смешную историю. Работая как-то в другом театре, они тоже поехали на выезд со спектаклем. По дороге им попалось турнепсовое поле. Это такая кормовая репка. Но, все равно, какая-никакая, а добыча. Поэтому сделали остановку и все желающие надергали себе корнеплодов.

Уселись в автобус, актриса вынула складной ножичек. Очистила турнепс и стала ломтиками отрезать кусочки и с аппетитом уплетать. Ее партнер по сцене и просто приятель, с которым они любили обмениваться шутивными колкостями, хрумкая турнепсом, ехидненько заметил:

- А тебе плохо не станет?
- Смотри, чтобы тебе плохо не стало!

Все дружно хохотнули и поехали дальше.

Маленький зал сельского очага культуры был забит под завязку. В первых рядах сидел сам председатель колхоза с супругой. Пьеса была незамысловатая. Молодая девушка знакомится с парнем, они влюбляются и решают сыграть свадьбу. Жених знакомит девушку с родителями и в это время приезжает капитан дальнего плавания, который давно уже добивался руки юной красотки.

Капитана играл как раз тот приятель. Его выход был во втором акте. Моряку сшили белоснежный китель морского офицера, а вот на брючках видимо решили сэкономить. И взяли для этого тонюсенький белый штапель. Так как актер ни разу не присаживался на сцене, отглаженные брючки смотрелись ничуть не хуже натуральных, из сукна.

Наступил второй акт. Капитан появился на сцене с подозрительно зеленоватым оттенком лица. Буквально через пару реплик он тихо прошипел коллегам – «Мне плохо!»

Выражение его лица свидетельствовало о том, что это явно не шутка. Чтобы спасти товарища, актеры начали быстро проговаривать свои реплики, на ходу сокращая текст.

Зал как-то сразу заворочался и зашушукался, видимо переспрашивая друг у друга, что и кто сказал. И тут встал директор колхоза, рослый видный мужчина, с шикарными пышными усами и, повернувшись в зал, рявкнул:

- Эй, там, на галерке, а ну, тихо! А то плохо слышно.

У морского офицера уже лезли глаза из орбит. Наконец, спектакль доиграли, дали занавес, и бедолага, подхватив руками штаны, метнулся за кулисы.

В сельском клубе все удобства были естественно во дворе. И человек в белом кителе рванул на улицу. Занавес открылся, актеры раскланялись, зрители осыпали их бурными овациями и стали расходиться по домам.

Естественно всех актеров интересовало, как там их коллега? Успел или нет? И высыпали на улицу. Вокруг клуба скакали восторженные мальчишки и с удовольствием разносили по деревне радостную весть:

– Артист обосрался! Артист обосрался!

Понятно, что эти пацанчики никогда не заморачивались этикетом и благозвучным подбором слов. Они орали вполне понятное и простое для них слово.

Во дворе клуба, у колодца стоял несчастный поникший моряк. Коллеги прямо из ведра плескали ему воду в оттопыренные штаны. Хохотали все! Даже сам оконфуженный начал посмеиваться. Наконец, актеры потянулись в гримерки.

В это время по сцене ходила пожилая актриса и внимательно приглядывалась к дорожке из кругленьких жидких лепешечек, которая тянулась от сцены за кулисы. Видимо у старушки был насморк и запаха она не чувствовала. Склоняясь к лепешкам, дабы искренне выяснить их происхождение, она недоуменно спрашивала:

– Это что, джем? Это джем?

Разгримировывались уже в истерике. Только хохот утихал, как кто-то вновь кидал фразочку:

– Это джем?

И все начиналось по новой.

Вот такая история была рассказана по пути участникам «Красной шапочки». Все от души смеялись, и дорога показалась менее утомительной.

Каким бы легким и веселым не был спектакль, когда актеры его играют в сто пятый раз, он все равно становится скучным для них. Поэтому, часто, чтобы как-то развлечь себя и коллег, артисты начинают баловаться. Зрителям зачастую это даже не заметно. У «театральных» это называется «расколоть партнера». То есть незаметно его рассмешить так, чтобы человек выбился из образа и начал гомерически хохотать.

Кстати, почему-то именно на сцене труднее всего сдержать смех. А «раскалываться» на сцене запрещено. Это считается признаком непрофессионализма. И, тем не менее, артисты часто не могут удержаться от соблазна повеселиться над коллегой, которому приходится выкручиваться, чтобы затолкать смех вглубь себя.

На сей раз спектакль «Про красную шапочку» прошел под знаком «Джема».

– А с чем это у тебя пирожки, Красная шапочка? – спрашивает Волк.

– С джемом – хитро улыбается шапочка. И Волк начинает раздуваться и краснеть как сеньор-помидор.

В следующей сцене Волк уже мстит коварной девчонке.

– Ай, я тебя боюсь, ты меня съешь – пищит Красная Шапочка.

Волк вальяжно разворачивается и произносит протяжно:

– Да не буду я тебя есть, от тебя джемом пахнет.

Радостные коллеги давятся от смеха за кулисами, а у Шапочки, почти что, слезы выступают на глазах.

Так в разных вариациях еще некоторое время проявляли свое остроумие актеры, пока не произошел один случай.

(Часть 2. «Страшная сказка»)

И вновь старенький ПАЗик колесил по дороге, фыркая и вздыхая на ухабах. К своим маленьким зрителям ехала милая добрая сказка «Про Красную Шапочку».

На этот раз путь проходил по горному перевалу. Автобус трясся и монотонно карабкался вверх по нудному затяжному серпантину. Справа отвесная скала, слева обочина, и за ней, чуть поодаль, глубокий склон, уходящий куда-то вниз. На очередном витке ПАЗик два раза чихнул и замер. Водитель привычно вышел из автобуса, открыл капот и начал в нем копать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.